

ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛЕМЕШКИН
Институт литовского языка (Lietuvių kalbos institutas)
Карлов университет (Univerzita Karlova)

Симеон Рус и Франциск Скорина

*Medicis de curantibus – vulnerario oncologiae
honoratissimo Michaeli Iermacovii
(Михаилу Викторовичу Ермакову, ВОКОД)*

Аннотация. В статье рассматриваются источники, проливающие свет на жизнь младшего сына Франциска Скорины – Симеона (1527–1529 – † не ранее 1593). Первый из рассматриваемых источников, указ Фердинанда I выданный 29-01-1552 по прошению Симеона, позволяет с уверенностью датировать смерть книгопечатника. Второй свидетельствует о медицинской деятельности Симеона. Третий источник (печатный) представляет Симеона Руса в качественно иной роли – роли садовника в Южной Чехии. Четвертый источник позволяет выдвинуть гипотезу о месте учебы Симеона и месте проживания Франциска Скорины до 1552 г.

Ключевые слова: Франциск Скорина; сын Симеон; медицина; садовник; годы учебы; Южная Чехия; личная библиотека Франциска Скорины.

Keywords: Francysk Skaryna; son Simeon; medicine; gardener; years of studies; Southern Czechia; personal library of Francysk Skaryna.

Esminiai žodžiai: Pranciškus Skorina; sūnus Simeonas; medicina; sodininkas; mokymosi metai; Pietų Čekija; asmeninė Pranciškaus Skorinos biblioteka.

Первые известия о детях Франциска Скорины († не позднее 29-01-1552) датируются концом третьего десятилетия XVI в. Судебный акт 1529 г. сообщает об имущественной тяжбе, которая заканчивается в пользу жены Скорины и ее детей: «тот дом и иное имение и вси рухомые речы держати и възжывати тое Маркгорете, жоне доктора Францьышка Скорининое, и детем ее» [3]. Жена (*bona coniunx*) и дети (*liberi*) также упоминаются в письме прусского герцога Альбрехта от 18 мая 1530 г. Естественно, что дети, рожденные в период 1526–1529 гг. в браке с Маргаритой, ввиду их младенческого возраста здесь упомянуты бегом, без какой либо детализирующей информации.

О дальнейшей судьбе потомков Ф. Скорины сообщают немногочисленные более поздние чешские источники. Публицистическое сочинение Вацлава Гаека (Václav Hájek z Libočan, † 18-03-1553) *O nešťastněe přihodie | kteráž gje stala skrze ohen w Menšjim | Miestie Pražském / a na Hradie | Swatého Wacławawa / y na | Hradčanech etc. | Leta. M. D. xxxxi*¹. «О несчастном происшествии, которое произошло вследствие пожара в Малом го-

¹ Здесь и далее цитируем точно по тексту: знак (|) указывает на строкоораздел, знак (/) принадлежит цитируемому тексту, знак (=) означает перенос и принадлежит цитируемому тексту.

роде пражском, и в Кремле св. Вячеслава, и в Градчанах и т. д. В лето 1541», изданное Бартоломеем Нетолицким в Малом городе пражском 17 июня 1541 г., знакомит с трагической кончиной Франтишека младшего². Автор «новины» (чеш. *Nowina*, нем. *Neue zeitung*) лаконично сообщает, что «сын доктора Руса» сгорел 2 июня 1541 г. в Пражском кремле в доме священника Яна из Пухова (*W domu knieze Jana z Puchowa kazatele*). Возраст жертвы устанавливается на основании сущ. чеш. *pacholatko* и нем. *büß*, которые употреблены в значении «слуга, помощник, ученик». Таким образом определяется социальный статус подростка, отданного в научение к канонику пражского кафедрального капитула. Франтишеку младшему в 1541 г. могло быть около 12 лет (не менее 11 и не более 15).

Судьба второго сына, Симеона Руса, прослеживается на основании бóльшего количества источников. По очереди разберем каждый из них³.

1. Первый источник, который в перечне «Документы пра Францыска Скарыну» фигурирует под № 44 [5, 564–582],⁴ хранится в пражском Национальном архиве (*Národní archiv*), в фонде № 182 – *Registra, Praha*. Основу фонда составляют документы, датированные периодом 1527–1669 гг. Главным образом это дворянские, городские, личные привилегии, договоры купли-продажи, грамоты, подтверждающие права владения на разного рода имущество, долговые обязательства и т. п. Важно отметить, что в фонде представлены не оригиналы, а их незначительно сокращенные копии (без инициальной титулярной части и иных *loci communes*). Королевская канцелярия таким образом «регистровала», т. е. архивировала выдаваемые ею правовые акты. Внутри фонда материал группировался по содержанию и по годам. Отдельные годы в хронологическом порядке объединялись в тома.

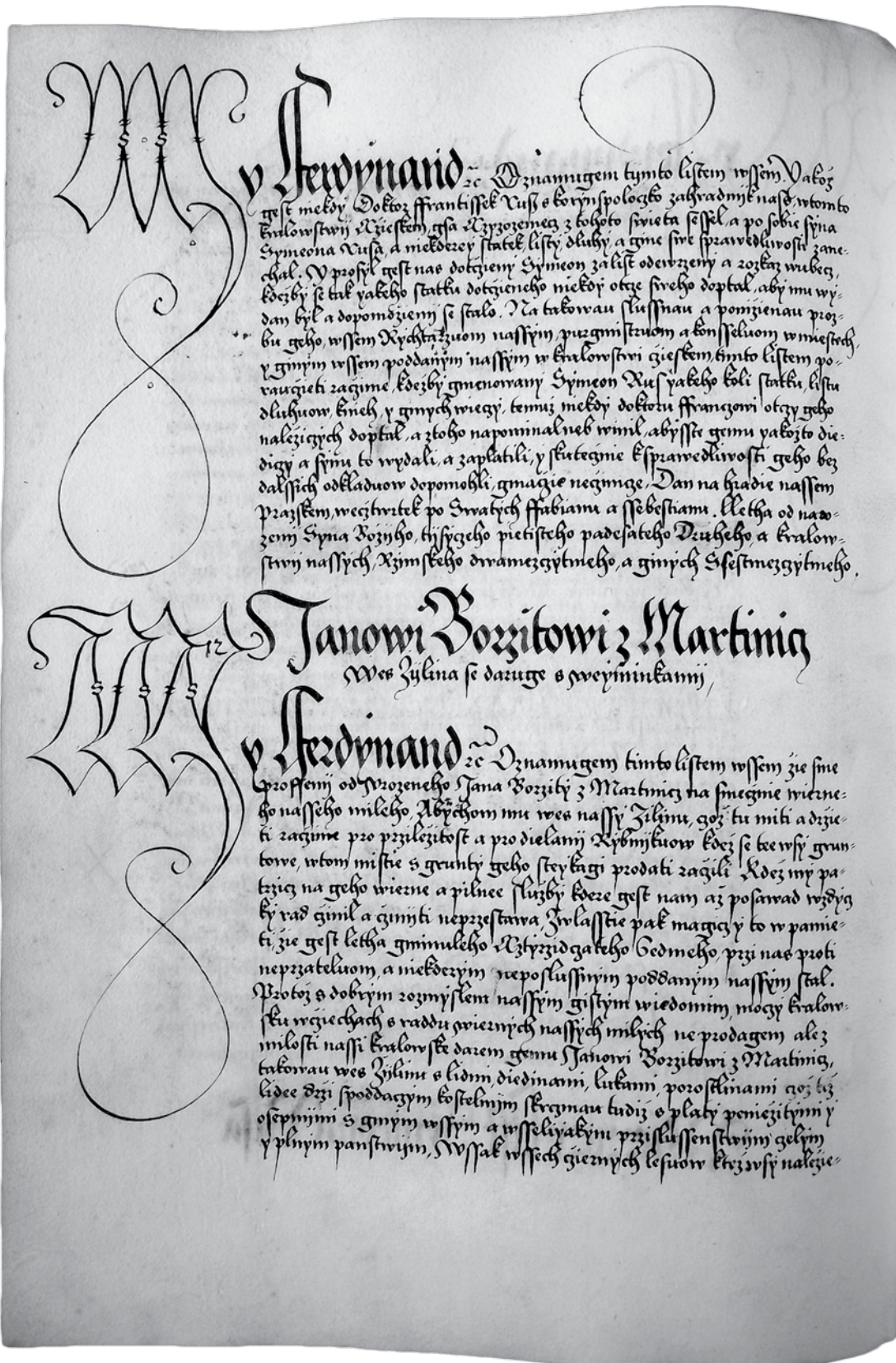
Интересующая нас грамота, датированная 29-01-1552 г., содержится в томе № 51 (далее – RG 51). Более точные хронологические рамки представленного здесь материала очерчивает титул на переплете: vom Jahre 1551–1556. На самом деле подборка документов не ограничивается 1556 г. – в томе представлен немногочисленный раздел документов и за период 1557–1560 гг. Размер листа: 39 x 28 см. Нумерация листов начинается в части книги, где непосредственно представлены копии документов: f. 1–292. Перед ними помещен именной указатель: f. I–XXII. На листе XVIIr под буквой S находим ссылку на Симеона Руса: *Sýmeon Rus. ffolio: 27*. Титульный лист с заглавием *Magejstatowe | Letha Panie | j.5.5.j.* помещен на листе XXIIIr.

В согласии с данными именного указателя грамоту, выданную Симеону Русу, находим на листе 27, а именно: заголовок документа *Wierzicyz list Sýmeona Ruja* помещен внизу на f. 27r (последняя строка); текст документа – на f. 27v. При помощи фотомонтажа данные части документа (на ff. 27r и 27v) в прошлом веке были объединены в одну картинку – именно в таком искаженном виде документ получил свою широкую известность.

2 Подробнее о данном источнике, его немецкоязычных вариантах и способах интерпретации в статье [2].

3 Энциклопедический справочник «Францыск Скарына і яго час» [5] и его русскоязычная версия [6] изобилуют опечатками, неточностями и явными интерпретационными ошибками. Это предопределяет насущную задачу – вернуться к критическому прочтению первоисточников.

4 Повторно издан в 1990 г. по-русски [6, 584–603].

Расшифровка текста:

f. 27r:

Wierziczzy list Sýmeona Ruſa

f. 27v:

My Ferdinand etc Oznamugem tijmto listem wſsem. Yakož geſt niekdý Doktor ſfrantiſſek Ruſs ſkorýnſpoloczko zahradnik naſs, w tomto kralowſtwij Cžieſkem, gſa Cžyzozemecz z tohoto ſwieta ſeſſel, a po ſobie ſýna Sýmeona Ruſa, a niekdereý ſtatek, liſtý, dluhý, a gine ſwe ſprawedliwoſti zane= chal. Y proſýl geſt naſ dotčžiený Sýmeon za liſt odewrzený a rozkaz wubecz, kdežbý ſe tak yakeho ſtatku dotčžieneho niekdý otcze ſweho doptal, abý mu wý= dan býl a dopomožienij ſe ſtalo. Na takowau ſluſſnau a ponižienau proz= bu geho, wſsem Rýchtaržuom naſſým, purgmíſtruom a konſſeluom w mieſtech, y giným wſsem poddañým naſſým w kralowſtwi cžieſkem, timto liſtem po= raucžieti racžime, kdežbý gmenowaný Sýmeon Ruſ ýakeho koli ſtatku, liſtu dluhuow, knieh, y giných wieczý, temuž niekdý doktoru ſfranczowi otczy geho naležicžých doptal, a ztoho napominal neb winil, abýſſte gemu yakožto die= dicžý a ſýnu to wydali, a zaplatili, y ſkutecžnie k ſprawedliwoſti geho bez dalſſich odkladuow dopomohli, ginacžie necžinicze, Dan na hradie naſſem Prazſkem, we cžtwrtek po Swatých ſſabianu a ſſebeſtianu. lletha od naro= zenij Syna Božijho, tiſýcžeho pietíſtego padeſateho Druhého, a kralow= ſtwij naſſých, Ržimſkeho dwamezčžýtmeho, a giných Sſeſtmezčžýtmeho.

Перевод на русский язык следует предварить несколькими замечаниями.

Во-первых, появление рассматриваемой грамоты взаимосвязано с кончиной первопечатника. В грамоте *Wierziczy list Sýmeona Ruja* Фердинанд I оповещает (*sic* – см. первое предложение указа) о кончине Франтишека Скорины и, удовлетворяя просьбу осиротевшего Симеона Руса, обязывает всех своих подданных оказать содействие просителю, который желает вступить в права наследования собственностью отца. Концепция А. В. Флоровского, согласно которой Ф. Скорина умер задолго до 1552 г. (до 1541 г.), подкреплена голословным размышлением о том, что Симеон Рус ходатайствовал перед Фердинандом I лишь после достижения правового совершеннолетия, является мало состоятельной.

Мещанин, согласно Земельному уложению (*Vladislavské zřízení zemské*) 1549 г., достигал своего правового совершеннолетия в 18 лет, а никак в возрасте 20–21 года, как об этом рассуждал А. В. Флоровский [7, 213]. Получается, что Симеон должен был родиться в 1534 г., хотя последнее документальное свидетельство о его матери, жене Скорины, датировано 1530 г. (стоит также иметь в виду, что в продолжительном судебном разбирательстве 1532 г. интересы Скорины представлял племянник Роман, Маргарита же в познанском процессе никак, даже номинально, не участвовала).

Выше упомянутая интерпретация кажется рискованной и в методологическом отношении. Любой правовой акт мы должны рассматривать с перспективы эксплицитно выраженной информации. Однако в *свое* прочтение А. В. Флоровский сознательно вложил предположительное (подразумеваемое) содержание, которое подтверждало правоту ранее выдвинутой гипотезы. Без категоричных суждений о ранней (до 1541 г.) кончине Ф. Скорины никому бы не пришло в голову так фривольно додумывать и пополнять содержание данного документа.

Не стоит забывать о том, что правовой акт в XVI в. составлялся по тем же самым требованиям и принципам, что и сегодня, т. е. в форме, которая не допускала его иного истолкования. Грамота свидетельствует лишь о том, что: 1) сын Скорины сообщил о смерти своего отца (сомнительно, что король мог об этом узнать из другого источника), 2) Симеон обратился к монарху с просьбой оказать содействие в вопросе наследования имущества, 3) Фердинанд I удовлетворил законную просьбу потомка-наследника. В документе нет ни малейшего намека на то, что сын Скорины только что достиг своего правового совершеннолетия. Предполагать, что настолько важная деталь вдруг выпала из поля зрения правового акта и тем самым предопределила неоднозначность его толкования – значит ставить под сомнение основы делопроизводства, которое процессуальную составляющую любого дела должно излагать предельно ясно и точно.

Интерпретация А. В. Флоровского имела бы право на существование, если бы ученый подтвердил свою догадку похожим документом. В томе № 51 мы не обнаружили ни одного случая, когда бы столь важная информация передавалась по умолчанию. Наоборот, правовые акты последовательно знакомят с облигаторными данными: несовершеннолетний наследник в таких случаях называется сиротой (*syrotek*), также в тексте всегда упоминается его опекун (*porucznik*). Данные сведения попадают в заглавия или же уточняются в начале (в первом предложении) каждого такого документа. Напр.: *Rewers porucznijskuom a diediczuom niekdý Michala kazýka, od geho milofsti kralowjske daný* (f. 25), *Zapis Syrotkuom niekdý Zýgmunda Robmhaupa z Suche a porucznijskuom gich na zařtawu zamku a panřtwij Rýchmburjskeho s weýminkami* (f. 31r).

Во-вторых, писарь-«регистратор» не допускал ошибок в номинации Ф. Скорины, как часто до сих пор предполагают [5, 578]. В 1934 г. внимание А. В. Флоровского привлекла публикация 1885 г. Франтишека Дворского, в которой рассматриваемый фрагмент

был интерпретирован как: *doktor František Rus z Horynpoločka* [13, 212]. Русский исследователь предложил конъектуру, с которой научную общественность познакомил на втором Международном съезде славистов (Варшава, 1934), позднее, обратившись к оригиналу, обосновал оправданность своего прочтения. А. В. Флоровский уточнил графику оригинала, однако, необоснованно использовал прописные буквы: прочитал *Rus S Koryn s Poloczko* [14, 12]. Оригинал выглядит следующим образом: *Doktor ffrantiffek Rufs skorýnspoloczko zabradnijk nafs* (пробела между лексемами *skorýnspoloczko* нет или он чрезвычайно мал).

Исправлять *skorýn* на *skorýna* нет ни малейшего основания и, самое главное, нужды, т. к. форма *скоринъ*, будучи производящей основой, является вполне прогнозируемой. Производное *скорин-а* отражает стадию, когда на базе мотивированного отцовского прозвища (по сфере профессиональной деятельности), появляется «демотивированная» фамилия. Та же самая форма антропонима зафиксирована на прославленном портрете Ф. Скорины 1517 г.:

с	к	ш	р	и	н	а
с	к	ш	р	и	н	-
с	к	ш	р	и	н	-

В-третьих, в перечне движимого и недвижимого имущества, которое надлежит вернуть наследнику, фигурируют некие «долги» (gen. pl. *dľuhuw*). Имея в виду, что Симеон Скорина в рамках наследственного преемства ходатайствовал о признании и *возвращении* имущества (*kdežbý je tak yakeho statku dotčžieneho niekdý otcze šweho doptal, abý mu wý=| dan býl a doromožienij je stalo*), становится понятным, что покойный отец выступал не должником, а кредитором. Эти долги, соответственно, по повелению короля должны быть выплачены наследнику (*abýšste gemu yakožto die=| dicžý a šýnu to wydali, a zaplatili*). То есть, лексему *dľuh* следует переводить как «долговое обязательство», «долговая расписка», причем за Ф. Скориной закреплен статус займодателя. Субстантив вин. п. мн.ч. *šprawedľiwofsti* обозначает юридический термин, который использован в значении «право, законная претензия» [9, 470].

Наконец, в-четвертых, необходимо уточнить объем понятия *доверительный*, при помощи которого чаще всего осмысляется название документа *Wierżyczy lijt Sýmeona Ruša* – «Доверительная грамота Симеона Руса». Да, словосочетание *Wierżyczy lijt* потенциально может обозначать доверенность. В качестве примера укажем на грамоту *Wierżyczy lijt Klimentowi žla=| tniyku z Litomierżycz, abý mohl dľuhý po niekdý | Jirżikowi Osterpergerowi wrominati* (RG, № 51, f. 37v), где поверенное лицо (ювелир Климент) представляет доверителя (самого Фердинанда I), в интересах которого он должен действовать (см. также *Wierżyczy lijt na | Karla Trzebicžkeho štraný Šjancžknech=| tuw kderži wzawšje peníze vtekli* – RG, № 51, f. 109r или *Wierżyczy lijt na | Auržednika cžel pomeznych, a Regen=| handlana abý cželne na pomezý žmie=| nili a obnowili* – RG, № 51, f. 138r). Однако в нашем случае такое правоотношение неприемлемо, ибо Симеон Рус действует в своих собственных интересах.

Таким образом, прилагательное *доверительный* возможно использовать, подразумевая значение «свидетельствующий о доверии, выражающий доверие». Другие семантические компоненты – «являющийся доверенностью» и «не подлежащий разглашению; секретный» – чужды чешскому оригиналу. Имеем дело с разновидностью указной грамоты, в которой одновременно удостоверяются права лица-предъявителя. Иными словами, король, доверяя просителю, побуждает своих должностных лиц верить законности и обоснованности притязаний со стороны предъявителя документа. В жанровом отношении чеш. *wierzizsy list* возможно соотнести и с представительной грамотой, т. е. с документом, в котором характеризуется (позитивно) представитель, предъявитель грамоты, т. е. подтверждается «достоверность» иностранца Симеона Руса.

Учитывая вышесказанное, можно предложить следующее прочтение текста:

«Представительная грамота Симеона Руса

Мы, Фердинанд и т. д., объявляем этой грамотой всем, что доктор Франтишек Рус Скорин из Полоцка, некогда наш садовник, будучи иностранцем в этом королевстве Чешском, ушел с сего света, а после себя оставил сына Симеона Руса и некоторое недвижимое имущество, документы [владельческие], долговые расписки и прочие свои имущественные права. И просил нас вышеупомянутый Симеон [выдать] открытую грамоту и постановить: что если бы он нашёл что-нибудь из имущества вышеупомянутого своего отца, то чтобы ему было это выдано и оказана помощь. На такую справедливую и покорную просьбу его всем сельским старостам нашим, бурмистрам, членам магистрата в городах и всем другим нашим подданным в королевстве Чешском этой грамотой приказываем, что если бы вышеупомянутый Симеон Рус нашёл что-нибудь из имущества, бумаг, долгов, книг и других вещей, принадлежавших некогда этому же доктору Францу, отцу его, и если бы он с того что-нибудь добивался или в вину ставил, то чтобы ему как наследнику и сыну это выдали и заплатили и действительно, учитывая справедливость его требований, без промедления помогли. А по-другому не делать. Дана в граде нашем Пражском, в четверг после святых Фабиана и Себастьяна, лета от рождения сына божьего тысяча пятьсот пятьдесят второго и царствования нашего в королевстве Римском двадцать второго, а у других — двадцать шестого».

2. Второй источник, в перечне «Дакументы пра Францыска Скарыну» представленный под № 50 [5, 559–560], принадлежит к качественно иному жанру. Это хроника *Historie rožmberská*, повествующая о прошлом и настоящем влиятельного аристократического рода Рожмберков (чеш. *páni z Rožmberka, Rožmberkové*). Вацлав Бржезан (*Venceřlaus Březan*, ок. 1568 – не ранее 11.10.1618), автор пятитомной хроники, был прекрасно ознакомлен с родовым архивом. В период с 1596 по 1602 г. по распоряжению Петра Вока (*Petr Vok z Rožmberka, 1539–1611*) он систематизировал и изучал богатый рукописный материал. В 1602–1609 г. архивариус написал первые три тома своего сочинения, в которых историю Рожмберков довел до 1545 г. В 1609 г. историограф по настоянию Петра Вока прервал монументальный проект с целью создания краткого свода под названием *Rosenberské kroniky krátký a summovní výtah*. В период 1610–1612 г. пишет четвертую, а в 1612–1615 г. – пятую часть рожмберкской хроники. Первые три тома историографического сочинения, к сожалению, до наших дней не дошли. Их утрату лишь в малой степени компенсирует выше упомянутый конспект 1609 г.

Два сохранившиеся тома хроники (Т. IV – Oddělení rukopisů a starých tisků Národní knihovny, sign.: VI. F. 1 27; Т. V – Státní oblastní archiv v Třeboni, Fond: Cizí rody – Rožmberkové, sign.: 28/8, inv. č. 579) современного читателя потрясают точностью и детальностью изложения. Создается впечатление, что автор ценил каждую документально подтвержденную дату и подробность. Регистрируя мелочи и избыточные, на первый взгляд, детали, пунктуальный В. Бржезан вписал в историю огромное количество лиц, историческое значение которых не было очевидным ни для их современников, ни для их потомков. Такая манера изложения в чешской историографии XVI–XVII вв. не имела себе равных. Данную особенность рукописи нужно иметь в виду при рассмотрении фрагмента, представляющего интерес для скориноведения.

Симеон Рус упоминается в четвертом томе рожмберкской хроники, несущем название Padešátní | Letopis, | to gest. | Roznamenani nekterých Wězsců Pameti Hodných Pana | Wýléma z Rozmberka Za Padešate a Sedm Let | zbehlych Roszitagicze od Narození | tůhoz Pana: azdo Léta Krýstowa. | M.D.XC.II. «Пятидесятилетняя летопись, т. е. перечень некоторых достопримечательных вещей господина Вилема из Рожмберка за пятьдесят семь лет прошедших от рождения этого господина и до 1592 г. от рождества Христова» (f. 2r). Потомок Скорины изображается здесь единственный раз, и то в связи с кончиной в 1577 г. священника Йиржи Цетла (f. 233v):

Knez Jiřzůk Cetl
farař Krumlowſkej
wmřzel.

22 Maij. Kněz Jiřzůk Cetl Arzůprijſft Krage Bechijn=
ſkyho a Farař Krumlowskej Žjwot dokonal, na
Krumlowě Wzjwal Lekaře negakýho Polaka
Sýmeona Přzigmenj Ruſa z Poloczka, tůz Fa=
rař Pochowan – 24 Maij.

«Священник Йиржик
Цетл, настоятель крум-
ловский, умер.»

«22 мая священник Йиржик Цетл, архипресвитер бехинь-
ского края и настоятель крумловский, ушел из жизни.
В Крумлове пользовался услугами одного поляка-лекаря –
Симеона по фамилии Рус из Полоцка. Тот священник похо-
ронен 24 мая [1577 г.].»

Католического священника, с судьбой которого был связан Симеон Рус, нельзя отнести к категории часто упоминаемых, главных действующих лиц. Дополнительную информацию о нем находим лишь в пятом томе хроники, в части, повествующей о событиях 1570 г.:

26. februarii, jinak v neděli Oculi, Antonín, arcibiskup pražský, kněze Jiříka přjmím Netolickýho, kanovníka pražskýho a faraře krumlovskýho, za preláta a arcipryšta kraje Bechyňskýho listem svým ustanovil a jiným všechněm v tom kraji kněžím, zvláště pak dvěma děkanům, domino Martino, decano, Bosnensi, parocho Miroticensi, et domino Martino, decano Prachensi, parocho in Strašini, představil.

«26 февраля, в третье воскресенье поста, пражский архиепископ Антонин своей грамотой священника Йиржика Нетолицкого (пражского каноника и крумловского настоятеля) назначил прелатом и архипресвитером для края бехиньского и для всех

иных священников того края, особенно для двух деканов: отца Мартина, бозеньского декана и миротицкого настоятеля, и отца Мартина, прахеньского декана и страшинского настоятеля.»⁵

Таким образом, В. Бржезан, создавая родовую хронику Рожмберков, посчитал необходимым вкратце упомянуть о деятельности высокопоставленного предстоятеля католической церкви. Историограф при этом ограничивается двумя моментами: на основании актового материала точно фиксирует время, когда священник начал свое служение на земле Рожмберков, и время, когда он закончил свой земной путь. Для главной повествовательной линии подобная информация не была обязательной, тем не менее В. Бржезан знакомит с ней читателя. Данный компонент повествования автор расширяет за счет другого, совершенно факультативного отступления о Симеоне Русе. В этой связи не лишен смысла вопрос, зачем сведение о личном лекаре вообще вводится в текст? Какую цель преследовал этим преследовал?

Докторов обыкновенно вспоминают в благодарность, когда они спасают жизни тяжело больных. Упоминание лекаря в связи с кончиной кого бы то ни было может показаться странным и не совсем уместным. Без дополнительных сведений и оговорок читатель может подумать, что пациент скончался по вине нерадивого доктора, который что-то напортачил и поэтому упоминается поименно. В нашем случае такое компрометирующее прочтение, вероятно, можно полностью исключить. Дело в том, что читатель конца XVI в. располагал общедоступной информацией, помогавшей адекватному восприятию текста, которая в хронике эксплицитно не выражена. Нужно иметь в виду, что Йиржи Цетл дожил весьма почтенного возраста. Йозеф Йиречек указывает, что степень бакалавра будущий священник получил в 1514 г. [16, 52], т. е. к 1577 г. ему могло быть не менее 80 лет. Пожилым человеком Йиржи Цетл изображен на надгробном камне в чешкокрумловском костеле св. Вита [19]. В данном контексте упоминание доктора уже не кажется таким странным. Семантику выше приведенного фрагмента, полагаем, можно уточнить следующим образом: Йиржи Цетл умер в 1577 г.; он дожил преклонного возраста, пользуясь услугами лекаря Симеона. Доктор Рус мог лечить прелата на протяжении длительного периода времени.

Интерпретация отрывка из хроники В. Бржезана была бы неполной, если бы наше внимание ограничилось лишь выше приведенными сведениями. Для нас важны и другие подробности из жизни высокопоставленного католического священника, которые могут пролить свет на круг общения Ф. Скорины и его потомков. Известно, что Йиржи Цетл из Нетолиц (чеш. *Jiří Cetl Netolický*, лат. *Georgius Cetelius Netolicenus*, † 24.05.1577) служил приходским священником в г. Йиндржихув Градец (*Jindřichův Hradec*), в 1562 г. он был призван в Пльзеньскую епархию, в 1564 г. вернулся в Градец а в 1568 г. (А. Подлага указывает 1566 г.) избран каноником пражского кафедрального капитула. В 1570 г. пражский архиепископ Антонин Брус из Могельнице (*Antonín Brus z Mohelnice*, 1518–1580) назначил Йиржи Нетолицкого (к тому времени – крумловского священника) прелатом и архипресвитером края бехиньского (*Bechyňské arcijáhenství*) [24, 52; 21, 130–132]. Последнее назначение не без основания связывают с политикой рекаатолизации, которую в период 1544–1580 гг. последовательно проводили администраторы пражской архиепархии Ян из

5 Название пятого тома *Život Petra Voka z Rožmberka. Letopisy osvěceného knížete a pána, pána Petra Voka Ursina z Rožmberka, posledního vladaře tohoto starobylého a slavného domu a rodu Rožmberského a předního velmože Království českého* «Жизнь Петра Вока из Рожмберка. Летописи просвещенного князя и господина, Петра Вока Урсина из Рожмберка, последнего правителя этого древнего и прославленного рожмберкского владения и рода и выдающегося вельможи Чешского королевства». Цитируем по [12, 413].

Пухова, Йиндржих Скрибониус (*Jindřich Scribonius z Horšova* 1510–13.1.1586) и архиепископ Антонин Брус из Могельнице.

Таким образом, говоря о детях Ф. Скорины, мы можем выявить некоторую закономерность. Франтишек и Симеон были связаны с канониками пражского кафедрального капитула. Ян из Пухова и Йиржи Нетолицкий, будучи ревностными защитниками католического благочестия, стремились элиминировать влияние протестантизма, а в церковной иерархии они достигли исключительно высокого положения (администратора и, соответственно, архипресвитера). Необходимо отметить еще одну немаловажную деталь: потомки Скорины служили лицам, которые были приобщены к литературной и издательской деятельности, а таковых в среде чешского клера XVI в. было не так уж много. Литературные интересы Яна из Пухова были связаны с изданием чешской адаптации *Космографии* С. Мюнстера [2]. Йиржи Цетл Нетолицкий в свою очередь известен как автор книги *Kázání | o Bijdě nupěgfšýho na |ššeho Žiwota* «Проповеди о плачевности нынешней нашей жизни», которую в 1568 г. в Праге издал Йиржи Дачицкий (колофон: *Wytišstěno w Starém | Městě Pražském / v | Giřijka Da=| čicjkého*) [17].

Появление книги обусловлено проповеднической деятельностью автора и взаимосвязано с пзеньским (см. f. 6v), градецким и пражским периодами его пасторского служения. Сборник проповедей, состоящий из 16 слов, был написан изящным и понятным языком. Автор использовал необычные сравнения и метафоры, не избегал народной фразеологии и оригинальных афоризмов. Формы обращения к «слушателям» (напр. *některij z wás posluchačuw*) говорят о том, что проповеди – перед тем как были изданы – действительно звучали с амвона. Не удивительно, что отточенные риторические произведения пользовались спросом – в 1588 г. их издали повторно: *Sještnácte Ká=| záníj o Bijdě wezdeyššijho | Lidského Žiwota. | Kázané: | Skrže Kněze Giřijka | Netholického | ... | Létha Páně | 1588. | Wytišstěná v Giřijka Ja=| koba Dačického*.

Наше внимание привлекают размышления о лекарских науках и садоводстве, которых в тексте оказывается не так уж мало. Начнем с того, что людской мир здесь уподобляется саду, где смерть губит все живое: *Welmi ti přj | gemně jobě rozgijmali / kteřijž ten=| to Swět k Zahradě přrownáwa | li w kterémžto mjsto kwijtj / gfau | Lidé. W Zahradách pak některá | kwijtj vycházegj / giná pěkně kwě | tnau / a některá giž fchnau: tak me=| zy lidmi / některou je rodij / ginij gfú || Mládency / Panny zpanilé / a někte | řij starostij wadnau. Od té pak | Zahrady Panij Smrt má kljč / kdy je gij pak šlijbij / wezma kofu / | na procházku do té Zahrady wchá | zy / a bez výběrkuow y wššý lijto=| ští na které kwijtj přijgde / na mla | dé / krásné / y suché porážij / na kuo=| pu kláda / do šwé Stodoly šhro | mažďuge* «Весьма верно размышляли те, которые сравнивали наш мир с садом, в котором вместо цветов – люди. В таком саду некоторые цветы восходят, иные красиво цветут а некоторые уже засыхают. Так же и у людей: некоторые рождаются, иные проживают бурную молодость, другие увядают от старости. Ключ от сада у госпожи Смерти. Та, когда захочет, взяв косу, выходит на прогулку в сад и без разбора и всякой жалости поражает какой угодно цветок: молодой, красивый и сухой. В копну их кладет и в свой амбар уносит» (15 слово, f. XCVIIr–XCVIIv).

Идею «вегетационного» (т. е. земного, брэнного) периода жизни человека автор недвусмысленно развивает и в третьей проповеди, используя при этом любопытную метафору: *A co gi= ného gejt Cžlowěk wedlé zewnitř |nijho zpuofobu / než Strom opak || postawený / kteréhožto kořenové | gfú wlawové / Špalek gejt hlawa | s krkem / peň gfau přjowé z břichě / | ratoľsti gfau lokti s hnáty / wětwi | čky gfau přsty s članky* «Чем же иным является человек по своей внутренней сущности? – Всего лишь деревом вверх ногами поставленным, у которого корни это волосы, кряж – голова с шеей, ствол – грудь с

животом, ветви – локти и руки, веточки – персты с фалангами» (3 слово, f. XVIIIv–XIXr). Аналогия приводит к неизбежному выводу о том, что род деятельности доктора и садовника тождественен, ибо оба, по мере способностей заботясь о росте и здравии человека-дерева и дерева-человека, тщетно состязаются со смертью. Просматривается еще одна интересная параллель, известная нам по трудам Ф. Скорины. Пасторскую деятельность (лѣкарство духовное) автор сравнивает с деятельностью врачебной (лѣкарство телесное): *když | je gruntowně pozná nemoc / ſnad=| ně je muože potom Lékařtwij při | ložiti / takž y tuto / poněwadž gſme | poznali překážky / ſnadně proti nim | může se dáti naučenj* «когда основательно познается болезнь, то тогда легко применяется и лекарство. Также и здесь: так как мы познали препятствия, то легко можем дать и научение» (16 слово, f. CXIV).

Лекарских размышлений особенно много в четырнадцатой проповеди (о Staroſti), где находим похожие соображения о бренности жизни. Старость, которая в круговороте времен года соответствует осени, быстро высасывает «телесную влажность» и «влагу», которые питают «внутренний жар» человека, «отнимает красоту, свет в глазах, память» (f. XCIV). Старость-осень и смерть-зима вездесущи. Они ни о ком не забывают, никого не обходят стороной, но есть два исключения – солнце и луна: *Sjau některé wě | cy / které zaſe mladnau / a yako ſe=| trauc s ſebe wráſku ſtaroſti / k mla | doſti zpanilé ſe zaſe nawracugij. | Sám člověk richlým během před | běhna / a těžkoſtij Leth gſa obtijže | ný / k wěku mladému nawrátiti ſe | nemůže. Slunce když dokoná den=| nij běh ſwuog / zapadá / a za horu | zacházý / wſſak w malém čaſu yako | nowé zaſe wycházý / a přežlatá ſwá | wſta / yakoby znowu wſſemu Swě | tu ſe vrodilo / wkažuge. Mějýc ſe | ſtará / a zaſe mladne / a znowu ſe po | čijná. Rok tak když ſe podzym při || bližuge / nějakým zpuſobem ſtara | ſe: Ale když ſe Létho zaſe přibližu=| ge / yakoby ſe znowu rodilo / wel=| mi mijle a přiſwětíwě wkažuge ſe | wſſem Lidem. Ale naſſeho wěku | když Létho pomine / a ſmutná zy=| ma ſtaroſti ſe přibližij / tělo ſwú | ſtudenotij opanuge / gižt geſt na=| děge wſſecka ztracena o nawráce=| nij mladosti* «Есть некоторые предметы, которые опять молодеют и, стерев с себя морщину старости, к бурной молодости вновь возвращаются. Человек, стремительно стремящийся вперед и обремененный тяжестью лет, к молодому возрасту вернуться не может. Солнце, завершив свой дневной бег, закатывается и заходит за гору, однако вскоре как новорожденное восходит и золотые уста свои вновь всему свету показывает. Месяц стареет и опять молодеет, и вновь появляется. Год, когда приближается осень, определенным образом стареет. Но когда лето снова близиться, словно бы опять рождалось, во всей красе радостно предстает пред людьми. А в нашем возрасте, когда лето минуется и грустная зима старости приближается, а телом овладевает холод, всякая надежда о возвращении молодости исчезает» (f. XCIIr–XCIIv).

Небесные тела, олицетворяющие омоложение и неограниченную жизненную силу, недостижимую для людей и природы, находим на гравюре в начале книги (f. 8v). Ксилография, в нижнем левом углу датированная 1542 г., изображает бога, который перед собой катит землю (см. Илл. № 3).

Среди звезд в верхнем, небесном ряду сферы видим солнце и молодой месяц. Изображение (92x83 mm) изготовил мастер, пользовавшийся монограммой EWA, который плодотворно сотрудничал с книгопечатным ателье Северина [27, 264–266; 1, 10–22]. Данная работа была издана в 1543 г. в астрономическом трактате *Pranoſtyka Nowá / s Diwnymi | Proroctwiji od Roku Cztyřidcátego Prwnijho / až do | konce Roku Padejáteho. Skrze Miſtra Sjalo=| mona w Slawném Mieſtie Ruremun=| du Lékaře Žiwotneho | Wydaná: | s Pržedmluwau Miſtra Mikulá | ſſe Sſúda z Semanijna: | Cum gracia et Priuilegio. (wytjſtieno w Starem Mieſtie | Pražjckem / den Swateho | Frydrycha [= 18 июля]. Letha. | M.D.XLIII [= 1543]. Ondrzeg Kubejſ [18]. В книге 1568 г. находим еще одну гравюру (f. 16v), которая по более ранним*

изданиям неизвестна и не датирована. На ней изображен стоящий на коленях священник (перед Декалогом), а за спиной священника мирянин.

Илл. № 3. Ксилография из книги
Kázání o Bijdě nynějšýho nasseho Žiwota (Praha 1568)

Графическое изображение и словесная характеристика, данная солнцу и месяцу, нас невольно отсылают к эмблематическому рисунку тех же самых небесных тел, который сопровождает половину иллюстраций *Бивлии Руской*. Конечно, мы далеки от мысли, что скориновские гравюры каким-то образом повлияли на публикации 1543 и 1568 гг. Однако для нас важен общий контекст эпохи, т. е. разноплановая семантика, закрепляемая современниками за данными символами. Рассуждения Йиржи Цетла Нетолицкого, сверстника Ф. Скорины, дополняют наши представления об иконографическом каноне XVI в., что одновременно побуждает к поиску альтернативных текстов, содержащих подобное и иное толкование солнца и луны. Небесные светила присутствуют преимущественно в пражских изданиях, поэтому особенно важным представляется чешский материал.

Примечательно, что неустанно омолаживающиеся небесные тела в книге Йиржи Цетла Нетолицкого трактуются в призма «лекарских» размышлений о бренности молодости-здравия. Как известно, Ф. Скорина был «лекарем телесным», однако неясно, использовал ли он эти символы в том же самом значении. Учитывая одержимость XVI в. идеями иммортализма, исключить такую возможность нельзя. Доктора (алхимики) прикладывали немало усилий для изготовления жидкого золота (*aurum potabile*), употребление которого омолаживало организм и продлевало жизнь на многие столетия. Вечно молодые (постоянно омолаживающиеся) солнце и луна были теми идеалами, к которым в поисках панацеи стремились лекари, поэтому светила потенциально могли обозначать принадлежность к докторскому (при)званию.

3. Третий источник, в перечне «Дакументы пра Францыска Скарыну» представленный под № 53 [5, 580], сообщает, что лекарь Симеон Рус занимался садоводством. Разумеется, сразу напрашивается параллель с жизненной стезей диктора Ф. Скорины, который четыре года служил королевским садовником в Праге. Для совмещения упомянутых профессий были свои причины. Доктора могли использовать экстракты из растений, которые собственноручно выращивали в своих же «зеленых лабораториях»; садовники в свою очередь хорошо разбирались в травах и были склонны к целительству и т. д. Однако связь между растениеводством и врачеванием в те времена все же не была сугубо утилитарной. Емкая характеристика человека как «дерева вверх ногами поставленного», отождествление людской жизни с зеленым садом (произрастающим, растущим и увядающим) выявляют натурфилософское восприятие медицины того времени. Высказывания Йиржи Нетолицкого показывают, что современники Ф. Скорины были склонны отождествлять род занятий лекаря и садовника.

О садоводстве Симеона Руса упоминает Франтишек Теплы (*František Těplý*) во втором томе своего монументального сочинения *Dějiny města Jindřichova Hradce*, вторая часть (*Část kulturní*) которого подробно повествует о городских ремеслах:

Zahradníci. Páni měli v Hradci dvě zahrady. Jednu vedle chmelnice (staré, sad p. Zudy na Nežárce), do níž chodili přes most dřevěný vzhůru do stráně mezi Novým stavením v „koželuzích“ a barevnici. Druhá zahrada panská byla při panském dvorci na Zárybníci, potomní hospody a šenkovní zahrady (okres. nemocnice), kudy roury vodovodu zámeckého od otinského borovička jdou (1667, 1720). Jachym z Hradce přivedl si kolem r. 1555 z Mikulova moravského novokřtěnce (toufara⁶) Jakuba za zahradníka, poněvadž toufaři se výborně vyznali v zahradnickém řemesle. Toufar Jakub s toufarem Martinem, sklepmistrem vín zámkových, pěstovali v městě: velký hrách, fazole, okurky, ve skleníku pomeranče, melouny a jiné zelené věci. Stromoví zvelebili roubením „třešní na višně, jakožto žlutky a srdcovky (černé žlutky)“ oblíbené jídlo paní Kateřiny z Hradce, jež pro ně zapomněla, že toufaři nejsou její víry katolické. S nimi závodil starý zahradník Rus z Polocka Šimon Rousek (Rus, Rousek), kterého jakožto sešlého člověka poslal JMti pán r. 1584, aby šel a hojiti se dal v Dobrý vodě u Kaplice, poskytnuv mu 1 kopu 30 grošů. (Účty) [24, 354].

«**Садовники.** У господ в Градце было два сада. Один сад был около старого хмельника (сад господина Зуды на Нежарке), куда ходили через деревянный мост в горку между Новым ставением (Nové stavení) бывших дубилен и красильней. Другой господский сад находился рядом с господской беседкой в Зарыбниче (Zárybníci), далее находилась корчма и сад шинкаря (областная больницы), где со стороны отинского (Otín, деревня ныне в черте города – И. Л.) бора проходят трубы замкового водопровода (1667, 1720). Иоаким из Градца около 1555 г. привел из Миколова моравского новокрещенца (анабаптиста) Якуба на должность садовника, потому что анабаптисты отлично разбирались в садоводстве. Анабаптисты Якуб и Мартин, виночерпий замковых вин, выращивали в городе крупный горох, фасоль, огурцы, в теплице – апельсины, арбузы и другие зеленые растения. Деревья культивировали прививками, «на вишню прививали черешню, желтую и сердцевидную (чёрные черешни)». Это была излюбленная еда госпожи Катержина из Градца, которая из-за них забывала, что анабаптисты не были, как она, католиками. С ними соперничал старый садовод рус из Полоцка Шимон Роусек (*Rus, Rousek*), которого из-за его старческой слабости его милость господин послал в 1584 г. лечиться в Доброй Воде у Каплице (Dobrá Voda u Nových Hradů, ныне Horní Stropnice, в 20 km. на восток от города Kaplice – И. Л.), дав ему 1 копу и 30 грошей. (Счета)».

6 От нем. *Wiedertäufer* «вновь крещеный».

Ф. Теплы (1867–1945), архивариус чернинского архива (*Černínský zámecký archiv v Jindřichově Hradci*), работал с теми же самыми и подобными рукописными материалами, что и Вацлав Бржезан. В отличие от своего предшественника большое внимание он уделял истории хозяйственного уклада. Говоря о Симеоне Русе, он ссылается на «Счета», не конкретизируя при этом, о каком конкретно документе идет речь. Сомневаться в точности приведенных данных нет ни малейшего основания. Ф. Теплы был не только опытным архивариусом, но и профессиональным историком, который в силу многочисленности эмпирических данных не мог подробно останавливаться у каждого документа. Распоряжение Адама II из Градца (*1549–1596), оригинал которого до сих пор ждет своего исследователя в Государственном областном архиве г. Тржебонь (*Státní oblastní archiv v Třeboni*), может уточнить некоторые неясные моменты.

Пока же на основании свидетельства градецкого архивариуса можно уяснить несколько важных подробностей. Во-первых, на дворе Витковичей Симеон Рус служил *gocnodským sadovodóm*. Замковый сад, в те времена называемый «старым садом» (*starý sad*), начинался в непосредственной близости от замка и уходил на юг за Гамерский поток (*Hamerský potok*). С перспективы старого города сад находился в «Запрудье», т. е. за прудом Малый Вайгар (*rybník Malý Vajgar*), отсюда топоним *Zárybníci*, которым пользуется Ф. Теплы. Сад был неотъемлемой составной частью ренессансного замка. Здесь располагались огород, цветник, овощной сад, небольшой огороженный участок для разведения домашней птицы... Садовод с помощью своих подчиненных выращивал фрукты, овощи, цветы, большое количество пряностей [15, 135]. Он же, по всей видимости, отвечал и за функционирование зимней оранжереи, которая находилась в крыле, соединяющем Старый и Новый дворцы замка.

Нужно отметить, что деятельность панского садовника была на виду у градецких правителей. Сад был местом их отдыха, всевозможных утех и развлечений. Здесь стояла беседка со столом и стульями, которую в конце восьмидесятых лет XVI в. заменил более основательный летний павильон (*lusthaus*) [15, 129]. Естественно, что садоводческие мероприятия координировались с желаниями господ, причем особая роль была отведена их женам. Некоторые из них принимали самое активное участие в ежедневных садоводческих буднях. Так, напр., Анна Рожмберкская, жена Иоакима из Градца, в письме от 6 июня 1556 г. просит своего супруга: *Přítom mi psáti račte, abych zahrady pilná byla, pak tak učiním a každéj den tam sejdu a hned se neračte starat, budeme prvé melouny míti než kdo v Hradci, neb sou již vo devíti listech někteří* «Одновременно будьте добры мне написать, чтобы я имела прилежание к огороду. Я тогда так и сделаю и каждый день туда спущусь. И будьте уверены: у нас у первых во всем Градце будут арбузы, так как у некоторых уже девять листочков» [26, 200–201].

Во-вторых, словосочетание *starý zahrádník* обозначает возраст Симеона Руса, а не то, что в Градце он служил еще до 1555 г., т. е. до прихода сюда анабаптиста Якуба. В 1584 г. по старости лет его отправили на покой. Как заслуженный придворный служитель Симеон получает денежное пособие на лечение (лечебница, находящаяся во владении Вилема из Рожмберка, славилась своим целительным источником), в то время как в замковом саду под началом уже нового садовника начинаются перемены (в овощном саду строят «домик», где пытаются выращивать тропические растения) [15, 135].

Итак, служба у Адама II из Градца завершилась в середине девятого десятилетия XVI в. Сложнее определить время, когда Симеон Рус пришел в Йиндржихув Градец. Рожмберкская хроника Вацлава Бржезана содержит формулировку *na Krumlově Wzjwal Lekařze*, которая может создать впечатление, будто потомок Скорины минимально до 1577 г.

жил и работал в Чешском Крумлове. Однако такой вывод из текста хроники далеко не следует. Две ветви рода Витковичей, Крумловская и Градецкая, поддерживали тесные контакты, в том числе делились и докторами. Расстояние между городами, некогда входившими в тот же самый домен Витека из Прчице (*Vítek I. z Prčice*), для докторов того времени не было непреодолимым (доезжали и из более отдаленных мест). Йиржи Цета Нетолицкий мог пользоваться услугами лекаря Симеона еще в бытность градецким священником, т. е. до 1562 г. и в период 1564–1568 гг. Став архипресвитером бехиньского края и настоятелем крумловским, он мог выписывать «своего» доктора, который по мере необходимости по вызову приезжал в Крумлов.

Таким образом, Симеон Рус мог совмещать садоводческую деятельность у господ в Градце и докторскую практику в близлежащей округе. Ничего необычного для того времени в этом не было. Начало служебной карьеры на градецком дворе в свою очередь целесообразно связывать с периодом правления Иоакима из Градца. Жена Иоакима, Анна Рожмберкская, как уже было отмечено выше, отличалась страстным прилежанием к выращиванию всевозможных растений а, значит, постоянно общалась и с придворным садоводом. Любопытно, что госпожа Анна раздавала интересные медицинские советы, которые вряд ли рождались в ее собственной голове. Так, например, в 1558 г. в город пришла эпидемия оспы. По приказу доктора Кунштата на рыночной площади начали жечь «антисептические» ветки можжевельника. Анна же в своих письмах советовала принимать свекольный отвар, мед и потеть [22, 287].

Предположение о том, что Симеон Рус мог служить в Градце во время правления Иоакима, т. е. до 1565 г., подтверждают некоторые дополнительные сведения, которые до сих пор, к сожалению, оставались незамеченными. Кажется, что скориноведы обратили внимание только на фрагмент, на который указал именной указатель к изданию 1929 г. Само же сочинение Ф. Теплового в полном объеме прочитано не было.

Начнем с того, что Симеон Рус в Градце не был одинок. Здесь же служили другие «русы», в том числе и из Полоцка. Описывая экономику южночешского домена, Ф. Теплы вскользь замечает: *Hradečtí obchodníci udržovali v 15. a 16. věku čilé spojení s <...> „dalekými zeměmi“: Norimberkem, Mühldorfem, Landzútem (Landshut), Pasovem, Salzpurkem, Vratislaví, Svídnici, Frankfurtem... Sv. Havlem ve Švýcařích, Kleve v Porýní, Benátky a Gandino (víno sladké), Krakovem, Žitomířím, Polockem, ba s ruskými kupci, kteří k nám vozili sobí a sobolové kůže, chranostaje na kožichy a čepice, hedvábí a zlatohlav. Pan Jachym z Hradce měl komorníka Rusa, p. Adam pachole z Polocka «Градецкие торговцы в XV–XVI вв. поддерживали тесные контакты с <...> «далекими землями»: Нюрнбергом, Мюльдорфом, Ландсхутом, Пассау, Зальцбургом, Вроцлавом, Свидницей, Франкфуртом, Санкт-Галленом, Клеве, Венецией и Гандино (сладкое вино), Краковом, Житомиром, Полоцком, даже с русскими купцами, которые к нам возили олени и соболиные шкуры, горносталя на шубы и шапки, шелк и парчу. У господина Иоакима камердинером был Рус, у господина Адама – личный слуга (мальчик) из Полоцка» [24, 14]. Придворный-полочанин Адама II в другом месте упоминается в связи с его возвращением (после обучения) к отцу «в Польшу»: R. 1586 Rus z Polocka, kdež domu „po vyučení dvorní služby“ do Polska k panu otci svému odjížděl, vyměnil si v důchodu poukázku páně za 43 kopy gr. českých «В 1586 г. Рус из Полоцка, когда, «овладев придворной службой», уезжал к отцу своему в Польшу, разменял вексель, полученный от господина за выслугу на сумму 43 коп чешских грошей» [25, 70]. Личному слуге Адама II в 1586 г. могло быть около 14 лет. Кто был его отцом, без дополнительных документальных свидетельств можно только гадать.*

Еще интереснее дело обстоит с придворным Русом⁷, служившим Иоакиму из Градца. Словом *komorník* обозначали не только «личного слугу, камердинера», но и «служащего по хозяйственным вопросам, который заведовал имуществом и доходами господина». Потенциально Симеон Рус мог служить (до 1565 г.) у Иоакима в одной из упомянутых ролей. То, что *komorník Rus* был связан с Полоцком, выявляет иное чрезвычайно ценное свидетельство, относящееся к 1563 г.: **Hradec se uplatňoval jako středisko obchodu celého území mezi Tábořem a Znojmem. Zajížděli sem formani a kupci z okolí i z dále. <...> Naši pak jako Jáchym Friedank do Benátek ve Vlaších, na veliké trhy v Linci, v Cáhlově, Vratislavi, Křemže; do Staré Rece, Klosteneuburka pro vína. Rús z Polocka, služebník JMti páně, jel r. 1563 do Vilna v Litevsku a odtud bez pochyby i do Moskvy; neboť JMt paní nosila „sobolanské kůže“, patrně sobolí kožíšek «Градец реализовал себя как центр торговли всей области между Табором и Зноймом. Сюда заезжали ломовики и купцы изблизи и издали. <...> В свою очередь наши (как, напр., Иоахим Фриданк) в Венецию (Италию), на большие ярмарки в Линце, в Фрайштадте, Вроцлаве, Кремсе, [ездили] за вином в Старый Ретц, Клостернойбург. Рус из Полоцка, служитель его милости господина, в 1563 г. ездил в Вильнюс, а из Литвы без всяких сомнений и в Москву, ибо ее милость госпожа носила «соболиные кожи», т. е., вероятно, соболиные шубы» [23, 316–317].**

Слово *Rús* в выше приведенном отрывке обозначает не этническую принадлежность, а фамилию (= *přímením Rus*). Об этом недвусмысленно говорит контекст словоупотребления, где отдельно взятые купцы перечисляются по имени и фамилии. Примечательно, что иноземец Рус из Полоцка отнесен к числу *наших*, т. е. местных, градецких. Одновременно подчеркивается, что данное лицо находилось на службе у господина из Градца (*služebník JMti páně*). К великому сожалению, Ф. Теплы не конкретизировал использованный источник, который, вероятно, для архивариуса оказался труден для восприятия. Об этом свидетельствует странная формулировка «ездил ... в Москву, ибо ее милость госпожа носила «соболиные кожи»». Сказано так, как будто в Москву можно было ездить лишь с целью приобретения пушнин. Позволительно предположить, что архивариус факт поездки в Москву (через Вильнюс и Полоцк) вынужденно интерпретировал в контексте местных торгово-экономических отношений, т. е. в ключе, который тогда ему показался наиболее оправданным. Так Симеон Рус был зачислен в разряд градецких купцов.

На самом деле поездку через Вильнюс в Москву могли предопределить совсем иные обстоятельства. 18 февраля 1563 г. после осады, длившейся с 31 января, Иван Грозный захватил Полоцк. Более 15 000 бояр, купцов, мещан, горожан было угнано в плен. Некоторые источники данную цифру увеличивают до 50–60 тысяч полочан. Известно, что какую-то часть пленных-заложников удалось выкупить или обменять. Какая-то часть могла быть продана в рабство (Ази Хосров) или уничтожена. Генрих фон Штаден по этому поводу сообщает: «Мещане (*Burger*) вместе с женами и детьми были развезены по нескольким городам Русской земли. <...> Мещане, равно как и многие из дворян, вместе с женами и детьми жили несколько лет по тюрьмам, закованные в железа, залитые свинцом. Когда же великий князь вместе со своими опричниками осаждал (*uberzoch*) некоторые города [в Лифляндии], все они были убиты вместе с их женами и детьми» [8, 117]. Учитывая трагические события начала 1563 г., можно предположить, что поездка имела спасательный характер. Симеон Рус мог отправиться вслед за родственниками, которых незадолго до этого угнали в Москву. Безусловно, могла быть и серьезная финансовая причина поездки. В Полоцке у древнего мещанского рода Скорин были свои деловые интересы, значитель-

7 Если слово *Rus* было использовано как имя собственное, то это определено Симеон Рус.

ное движимое и недвижимое имущество. После разорения и опустошения города нужно было оценить масштаб причиненного ущерба, разобраться, что подлежит восстановлению, а что безвозвратно утрачено.

Таким образом, градецкий Рус, по всей вероятности, был в числе немногих, кто по горячим следам посетил частично разрушенный, опустошенный город, т. е. составил представление о недавних событиях в Полоцке. Лиц, приобретших такой жизненный опыт, в Чехии было мало. Данное обстоятельство нам представляется чрезвычайно важным в связи с авторизацией чешского летучего листка 1564 г. издания. Название «новины» читателю сообщает: *Jisté noviny z země litewské od kupcůw i jiných hodnowěrných lidí, co se stalo při lidu wálečném s obú stran... krále polského i také wel. knížete Moskewského 1564 W Praze u Šeb. Oksa* «Правдивые новины из земли литовской от купцов и иных заслуживающих доверия лиц о том, что произошло во время столкновения войск ... короля польского и великого князя московского. В Праге у Себастиана Оксы в 1564 г.» (Knihopis⁸ № 18854). Годом ранее тот же издатель напечатал произведение похожего содержания, но под иным заголовком: *Noviny hrozné, strašlivé i žalostivé, kterak Neptalim, veliké kníže Mozkevské, Jeho Milosti králi polskému atd. s znamenitým počtem lidu wálečného do země litevské vpadl, pálením, mordováním lidí obojího pohlaví, nekřesťanským a nestydatým zajímáním, měst a zámekův dobýváním velikau a znamenitau škodu učinil. Vytištěno v Starém městě Pražském u Šebastiana Oksa z Kolovsi. Léta atd. LXIII (:1563:)* (Knihopis № 6437). Текстовая составляющая чешской новины 1563 г., судя по названию, совпадала с ее немецкоязычной версией: *Absag oder feinds brieffe. | So beyde der grossfür | ste der Moscowiter etc. Vnd König in | Poln etc. ain ander / Irer jetzschwebeder Kriegs | bandlung / emstlicben zugeschrieben / Derwegen men= | niglich Gott den Allmechtigen zu erweiterung | seiner Christenlichen Kirchen / vnd zu ab | wendung der grausamen Tyrann= | ney fleissig betten solle etc. 1563*» [28]. Чешская публикация 1564 г., по всей видимости, не имела своей иноязычной адаптации. У данной «правдивой» новины есть определенная особенность – в заголовок вынесена информация о надежном источнике сведений («купцы и иные заслуживающие доверия лица»). Как очевидец, познакомившийся с последствиями осады, градецкий Рус мог сообщить чешскому читателю о том, что он лично видел по дороге в Москву и услышал от свидетелей осады.

Попутно заметим, что с событиями Ливонской войны в Южной Чехии были прекрасно осведомлены. В библиотеке Рожмберков среди других летучих листков хранились две новины, которые правомерно отождествлять с выше упомянутыми пражскими публикациями 1563 и 1564 гг.: *Kterak Moskvan do Litvy vpadl* и *Moskvy vpadnutí do Litvy* [11].

Ценное сведение находим в перечне людей, которые в разное время и в разной функции служили градецким правителям: *Simeon Rús z Polocka r. 1593 starý služebník* «Симеон Рус из Полоцка в 1593 г. старый служащий» [23, 426–427]. Формулировка Ф. Теплового говорит о том, что последнее свидетельство о Симеоне Руссе, доступное архивариусу, было датировано 1593 г. и что тогда, в 1593 г., сын Ф. Скорины был еще жив. Характерно, что род деятельности Симеона – в силу разносторонности его профессиональных занятий – здесь (в отличие от других, «монотематических», слуг) не уточняется.

8 Здесь и далее: *Knihopis Digital* – база данных, регистрирующая инкунабулы, палеотипы и ранние печатные книги с 1476 по 1800 гг., была создана отделением Документации и изучения культурного наследия чешских земель до 1800 г. в Центре классических исследований Академии наук ЧР (Dokumentace a výzkum kulturního dědictví v českých zemích do roku 1800, Kabinet pro klasická studia AV ČR). С 2015 г. база данных *KPS – Databáze Knihopis* Национальной библиотеки ЧР (Národní knihovna ČR): http://aleph.nkp.cz/F/?func=file&file_name=find-b&local_base=KPS.

4. Наконец, обратимся к источнику, который может пролить свет на образование Симеона Руса. Этим источником является Деканская книга Факультета свободных искусств: *Liber decanorum facultatis philosophicae Universitatis Pragensis ab anno 1367 usque ad annum 1585* [20].

Исходим из того, что Симеон Рус родился в период 1526–1529 г. Прибавив 14 лет, получаем приблизительный временной отрезок, когда сын Скорины мог поступить в Пражский университет: 1540–1543 гг. Изучение свободных наук длилось три года, т. е. степень бакалавра, необходимую для продолжения образования на медицинском факультете, потомок Скорины должен был получить в период 1543–1546 гг.

Деканская книга фиксирует время получения степени бакалавра. В период 1534–1551 гг. (данный отрезок времени с лихвой покрывает выше выделенные временные рамки 1543–1546 гг.) состоялись промоции только троих Симеонов:

- 1545 г. – *Simeon Nouopragensis*,
- 1545 г. – *Simeon Ennius Glatovinus*,
- 1546 г. – *Simeon Zacensis*.

Второго по очереди Симеона сразу исключаем. Им является видный чешский гуманист, писатель, член поэтического кружка Яна Годеевского (Jan Hodějovský z Hodějova, 1496–1566) – Симеон Эниус из Клатова (*Šimon Ennius Klatovský*, *1520–†20.2.1561). Таким образом, остаются два лица, которых потенциально возможно отождествлять с Симеоном Русом.

В обозначении оставшихся Симеонов отсутствуют фамилии и катойконимы (с предлогом *de*), но нас это ни в коей мере не должно смущать. Типовую номинацию часто определяла городская школа, в которой будущий студент перед имматрикуляцией овладевал латынью и другими необходимыми навыками [10, 11]. В списках абсолювентов Пражского университета мы видим большое количество студентов, названных *Zacensis* или *Zatecenus*, однако это не значит, что данные лица все были родом из г. Жатец (*Žatec*). Просто жатецкая партикулярная школа тогда пользовалась большим спросом, так как предоставляла качественную подготовку для *studium generale*.

Симеон Жатецкий (*Simeon Zacensis*) потенциально мог бы обозначать Симеона Руса, однако есть основания его отождествлять все же с иным лицом. По другим источникам нам известен бакалавр Симеон Жатецкий (*Šimon Žatecký*), который работал городским писарем в Чаславе (*Čáslav*) и умер в 1573 г. Упоминание о нем как об одном из донаторов находим в Чаславском градуале 1557 г. (*Graduale-Sequentar-Tropar*, Wien: ÖNB, sign. 15503).

Исключив двух Симеонов, мы оставляем в поле внимания бакалавра, в Деканской книге обозначенного как *Simeon Nouopragensis* (*Nouo [Ciuitatis] Pragensis*), который *trivium* окончил в 1545 г. Имматрикуляция, соответственно, должна была состояться не позднее 1542 г., что вполне согласуется с предполагаемым возрастом Симеона Руса. Если данное соотнесение верно, то доуниверситетское образование сын Скорины получил в Новом городе Пражском. Косвенно это может свидетельствовать о том, что Ф. Скорина проживал, по крайней мере после пожара 1541 г., именно в этом пражском городе.

Итак, биографии детей, рожденных в период 1526–1529 гг., проливают свет на некоторые подробности из жизни отца – Ф. Скорины. Подведем промежуточные итоги:

1. Анализ источников, затрагивающих судьбы Франтишека (†02.06.1541) и Симеона († не ранее 1593 г.), расширяет наши представления о круге общения семьи Скорины, куда в разное время входили: Вацлав Гаек из Либочан (†18.03.1553), Ян из Пухова (†около 1557), Йиржи Цетл Нетолицкий (†24.05.1577), градецкие и рожмберкские династии Витковичей. Важно отметить, что все перечисленные лица были католиками. Более того, Ян из Пухова и Йиржи Цетл Нетолицкий стали ревностными защитниками католицизма. Оба являлись канониками пражского святовитского капитула, а в церковной иерархии достигли высокого положения: администратора и архипресвитера. Данная информация представляется важной при рассмотрении конфессиональной ориентации семьи Ф. Скорины.

2. Дети первопечатника Великого княжества Литовского служили лицам, которые в Чехии приобрели репутацию незаурядных литераторов, книгоиздателей и книжных меценатов (последняя функция распространяется на градецких и рожмберкских господ). Франтишек Рус, отданный в научение к священнику Яну из Пухова, со временем мог принять участие в реализации книгоиздательских замыслов своего учителя-господина. Служба у влиятельного каноника пражского кафедрального капитула перед ним открывала простор для получения богословского образования и церковной карьеры. Преждевременная смерть, однако, всем планам положила конец.

Иной удел был уготован второму сыну, который пошел по стопам отца. Документальные свидетельства показывают, что Симеон практиковал медицину и занимался садоводством. Интерполяции в пражском издании *Космографии* 1554 г., тематически связанные с прошлым Великого княжества Литовского, побуждают к размышлению – не могли ли эти добавления появиться благодаря содействию Симеона Руса (или самого Скорины в процессе подготовки книги до 1552 г.). Существует также большое верояние того, что Симеон Рус имел отношение к пражскому летучему листку 1564 г. издания, повествующему о событиях Ливонской войны в Полоцке.

3. Симеон Рус служил у господ в Градце, также был связан с Крумловом, где лечил архипресвитера бехиньского края Йиржи Нетолицкого (наверняка не только его), в старости сам лечился недалеко от г. Каплице. Отдельного, более подробного рассмотрения поэтому заслуживает связь Ф. Скорины и Симеона Руса с прокатолически ориентированными родами Южной Чехии: рожмберкскими и градецкими Витковичами, а также Штернберками. В связи с последними нужно иметь в виду, что многолетним покровителем и меценатом Йиржи Нетолицкого был Зденек VI из Штемберка (*Zdeněk VI ze Šternberka na Blatně a Lnářích*, †1575). Книгу проповедей 1568 г. украшает штернберкская восьмиконечная звезда (родовой герб на f. 1v) и дедикация (f. 2r–7r) «милостивому господину», который с текстом проповедей познакомился еще в рукописи в период 1562–1564 гг.

Появление священнослужителя в том или ином диоцезе или приходе часто предопределялось желаниями и усилиями светских вельмож. Случай Йиржи Нетолицкого не исключение. В 1564 г. его к себе «заказывает» Иоаким из Градца. Несмотря на трудности, связанные с привлечением «хороших» пастырей (*s velikú těžkostí a prací se dobří farářové objednávají*), градецкому правителю удастся договориться (с архиепископом Антонином Брусом) и заполучить желаемого священника [24, 51–52]. В Градце Йиржи служит с 1564 по 1568 г. (Симеон мог стать его личным доктором в этот период или ранее), потом на два года «уходит» в Прагу, после чего «возвращается» в Южную Чехию, на этот раз к Рожмберкам в Крумлов. Похожим образом – из рук в руки – мог переходить и способный доктор-садовник. Иными словами, при рассмотрении служебных и житейских перипетий

того или иного служителя нужно учитывать патронаж аристократических родов католической ориентации (градецкого, рожмберкского, штернберкского, связанных тесными родственными узами), причем данное покровительство по обыкновению распространялось и на детей старых «верных слуг».

4. В этой связи кажется чрезвычайно любопытным одно «совпадение». Пражская книгопечатная деятельность Ф. Скорины по времени согласуется с деятельностью ключевого чиновника Чешского королевства, родовое гнездо которого также находилось в Южной Чехии, в г. Бехине. Имеем в виду Ладислава из Штернберка (*Ladislav ze Šternberka na Bechyni*), который пост Высочайшего канцлера (*supremus cancellarius regni Bohemiae*) занимал с 1510 по 1521 г. Без его любезного соизволения ни о какой книгопечатной деятельности Ф. Скорины в Праге не могло быть и речи. Впервые они могли встретиться в 1515 г. на Венском конгрессе, где Ладислав из Штернберка в свите Владислава II представлял Чешское королевство. В 1520 г. канцлер женился на Анне из Градца (*1497–1570), умер 18 ноября 1521 г. от чумы. Таким образом, окончание издательской деятельности в Праге может быть напрямую связано с кончиной Высочайшего канцлера, который до этого (со времен кулуарных договоренностей на Венском конгрессе) мог покровительствовать деятельности Ф. Скорины. Если так и было, то внезапный переезд Ф. Скорины в Вильнюс должен был состояться в конце 1521 – начале 1522 г. (имеющиеся в нашем распоряжении документальные свидетельства данной временной раскладке не препятствуют).

5. После возвращения в Прагу Ф. Скорина мог обратиться к своим старым покровителям и к их потомкам, причем благосклонность последних могла перенестись и на его сына. Таким образом можно мотивировать медицинскую и садоводческую деятельность Симеона Руса именно на территории Южной Чехии. Попутно обратим внимание на одну важную деталь, которая до сих пор, кажется, не была в достаточной мере актуализирована. В начале 90-х гг. XVIII чешский славист, иезуит Йозеф Дорбовский в архиве графа Вратислава из Митровиц (*Vratislav z Mitrovic*) обнаружил *Малую подорожную книжку*. После смерти Й. Добровского следы данного экземпляра, к сожалению, потерялись [4, 125–126]. Обратим внимание, что родовое имение Вратиславовцев – *Mitrovice* – находилось вблизи Бехине (менее 40 км. на юг в направлении на Крумлов). Более того, братья Штепан (*Štěpán*, † 1587) и Йиржи (*Jiří*, † 1604) Вратиславы из Митровиц много лет прожили в Градце, где в качестве регентов служили Адаму II (градецким именем Штепан управлял в период 1574–1587 гг., его брат – в период 1587–1593 гг.). Позднее дворянский род Вратиславичей прославил сын Штепана – Вацлав Вратислав из Митровиц (*Václav Vratislav z Mitrovic*, *1576–22.11.1635), который в Градце родился и здесь же у иезуитов получил образование. В собственность Вратиславов из Митровиц *Малая подорожная книжка* наверняка попала в градецкий период, когда Штепан и Йиржи служили Адаму II из Градца и руководили Симеоном Русом, который тогда находился под их прямым подчинением. Можно с уверенностью утверждать, что Й. Добровский обнаружил и описал кодекс, который некогда принадлежал Симеону Руссу, т. е. происходил из личной библиотеки Ф. Скорины (о других подобных изданиях не известно).

6. Йиржи Цетл Нетолицкий был сверстником первопечатника Великого княжества Литовского. Нельзя исключить возможность, что познакомились в Праге еще тогда, когда, получив степень бакалавра (в 1514 г.), будущий священник продолжал обучение на богословском факультете, а Ф. Скорина издавал *Бивлию*. Не зависимо от того, были ли они знакомы или нет, нас привлекают лекарско-ботанические размышления 1568 г. Характеристика, данная солнцу и молодому месяцу на страницах *Kázání o Bijdě nynějšjého našeho Žiwota*, позволяет предположить, что эмблематическое изображение вечно моло-

дых (точнее, постоянно омолаживающихся) небесных светил обозначает лекарское (при) звание Ф. Скорины, о котором книгоиздатель при каждом удобном случае с одинаковым усердием сообщает и словесно (в предисловиях, на титульных страницах, в послесловиях).

7. Анализ известных источников позволяет воссоздать (экспериментально и в общих чертах) биографию Симеона Руса. Многие моменты биографического очерка при этом остаются не вполне ясными и даже спорными.

До поступления в Пражский университет посещал школу в Новом городе Пражском, где в то время мог проживать и сам Ф. Скорина. Около 1542 г. *Simeon Nouopragensis* был имматрикулирован, а в 1545 г. – получил степень бакалавра. Вскоре после смерти отца, желая вступить в законные права наследования, обратился с просьбой к Фердинанду I. Король 29 января 1552 г. удовлетворил законную просьбу наследника, обязав своих подданных всячески содействовать иностранцу Симеону Русу. С начала седьмого десятилетия XVI в., а может и ранее, начинает служить (камердинером, экономом?) у Иоахима из Градца. В 1563 г. через Вильнюс и, вероятно, Полоцк едет в Москву. В Градце работает господским садоводом, одновременно в Градце и ближайшей округе практикует медицину. В 1584 г. по состоянию здоровья уходит на покой. Будучи «старым служащим» градецких господ, умирает не ранее 1593 г.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Войт, Петр. Пражская книжная культура в период деятельности Франциска Скорины. In: *Матэрыялы Х Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў «Книжная культура Беларуси XVI – середины XVII в.: к 440-летию издательской деятельности Мамоничей»* Минск 17–18 красавіка 2014 г. Минск, 2014.
2. Лемешкин, Илья. Франциск Скорина и Прага 1541 г. *Paleoslavica*, 2016, XXIV (1), с. 52–78. Доступно на academia.edu.
3. *Литовская метрика*. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 389, № 224, ф. 297v–298r.
4. Немировский, Евгений Львович. *Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта: 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы*. Т. 1, 1491–1550. Москва: Знак, 2009. 582 с.
5. *Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1988. 608 с.
6. *Францыск Скорина і яго время: энцыклапедычны справочнік*. Минск: «Белорусская советская энциклопедия» имени Петруся Бровки, 1990. 631 с.
7. Флоровский, Антоний Васильевич. Чешская библия в истории русской культуры и письменности. *Sborník filologický*. III Třída České akademie věd a umění. V Praze, 1946, sv. 12.
8. Штаден, Генрих. *О Москве Ивана Грозного*. Ленинград: Российская государственная академическая типография, 1925.
9. Bělič, Jaromír; Kamiš, Adolf; Kučera, Karel. *Malý staročeský slovník*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979.
10. Beránek, Karel. *Matrika Pražské univerzity. Manuál rektora se jmény studentů zapsaných v ztracené matrice Univerzity Karlovy v Praze v letech 1560–1582: poznamenání jmen profesorů a jiných preceptorů v Učení pražském z roku 1604*. Praha: Univerzita Karlova, 1981.

11. Březan, Václav. Bibliotheca Rosenbergica id est Consignatio accurata omnium librorum etc. (фотокопия на CD-ROM). In: Lenka Veselá. *Knihy na dvoře Rožmberků*. Praha, 2005, ff. 861–862.
12. Březan, Václav. *Životy posledních Rožmberků*. T. 2. Praha: Svoboda, 1985.
13. Dvorský, František. Příspěvky k dějinám slovanským. *Slovanský sborník statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*. 1885, roč. 4, č. 4.
14. Florovskij, Antonij V. Nové zprávy o pobytu Františka Skoryny v Praze. *Časopis národního musea*. 1936, roč. 110.
15. Hrdlička, Josef. Adam II. z Hradce a jeho dvůr. *Opera Historica*. České Budějovice, 1998, sv. 6.
16. Jireček, Josef. *Rukověť k dějinám literatury české do konce XVIII. věku*: ve způsobě slovníka životopisného a knihoslovného. Praha: Nákladem B. Tempského, 1876. sv. 2.
17. Knihopis č. 6138. Dostupno na: <http://books.google.cz/books?vid=NKP:1002401458&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>.
18. Knihopis č. 14286. Dostupno na: <http://books.google.cz/books?vid=NKP:1002291932&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>.
19. Kostel sv. Víta v Českém Krumlově. Dostupno na: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/82/St.Veit_-_Epitaph_Netolicky_1577.jpg.
20. *Liber decanorum Facultatis Philosophicae Universitatis Pragensis ab anno Christi 1367 usque ad annum 1585*. E codice membranaceo illius aetatis nunc primum luce donatus. Praga: Joan. Nep. Gerzabek, 1830–1832. Ps 1–2.
21. Podlaha, Antonín. *Series praepositorum, decanorum, archidiaconorum aliorumque praelatorum et canonicorum S. Metropolitanæ Ecclesiae Pragensis a primordiis usque ad praesentia tempora*. Praga: Typis officinae typographicae Cyrillo-Methodianae V. Kotrba, 1912. (Editiones archivii et bibliothecae S. F. Metropolitanæ capituli Pragensis, n. X).
22. Teplý, František. *Dějiny města Jindřichova Hradce*: část všeobecná. Díl 1, sv. 2, *Dějiny města za vlády pánů z Hradce linie Telecké (1453–1604)*. Jindřichův Hradec: Tiskem A. Landfrasa Syna v J. Hradci, 1927.
23. Teplý, František. *Dějiny města Jindřichova Hradce*: část všeobecná. Díl 2, sv. 2, *Dějiny města za vlády pánů z Hradce linie Telecké (1453–1604)*. Jindřichův Hradec: Tiskem A. Landfrasa Syna v J. Hradci, 1927.
24. Teplý, František. *Dějiny města Jindřichova Hradce*: část kulturní. Díl 2, sv. 2, *Stránka Hradeckých řemeslná*. Jindřichův Hradec: Tiskem A. Landfrasa Syna v J. Hradci, 1929.
25. Teplý, František. *Dějiny města Jindřichova Hradce*. Díl 2, sv. 3, *Město Jindřichův Hradec jako milostivá vrhnost*. Jindřichův Hradec: Tiskem A. Landfrasa Syna v J. Hradci, 1934.
26. Výběrová edice rodinné korespondence posledních Pánů z Hradce. *Opera Historica*. České Budějovice, 1998, sv. 6.
27. Voít, Petr. *Český knihtisk mezi pozdní gotikou a renesancí*. T. 1, *Severinsko-kosořská dynastie 1488–1557*. Praha: Koniash Latin Press, 2013.
28. Немецкий летучий листок 1563 г. Dostupno na: https://books.google.cz/books?id=1tVfAAAAcAAJ&pg=PA37&clpg=PA37&dq=Absag+oderfeinds+brieffe.+So+beyde+der&source=bl&ots=oNOK-7gXP1w&sig=8uz25v-8F9p46YvcUr4TtV06hy4&hl=cs&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f.

ILJA LEMESHKIN

Simeon the Russian and Francysk Skaryna

Summary

An analysis of sources mentioning the fates of Francysk (František, (†02.06.1541) and Simeon (†not earlier than 1593) expands our knowledge about the social circle of the Skaryna family. Skaryna's elder son had close connections with Jan of Puchov (Jan z Púchova), his younger son, with Jiří Cetl Netolický. The both patrons were canons of the St. Vitus cathedral in Prague, and, being zealous proponents of Catholicism, achieved high positions in church hierarchy: those of administrator and archpresbyter. This information is important when looking into the confessional orientation of the Skaryna family. The children of the first printer in the Grand Duchy of Lithuania were in service to individuals who accrued the reputation of distinguished literary figures in Czechia.

Simeon the Russian was employed by a family in Hradec and also had ties to Český Krumlov, where he was physician to Jiří Netolický, Archpresbyter of Bechyně. Jiří served in Hradec from 1564 to 1568 (Simeon might have become his personal physician at that time or even earlier), after which he went to live in Prague for two years, and later moved to Krumlov. In a similar fashion, a talented physician-gardener might have been passed from one master to another.

Skaryna's printing activities in Prague corresponded in time with the activities with one of the key officials of the Czech kingdom, whose family seat was also situated in Southern Czechia, in Bechyně. It was Ladislav of Šternberk (Ladislav ze Šternberka na Bechyni), who occupied the post of the High Chancellor of the Kingdom of Bohemia (*supremus cancellarius regni Bohemiae*) from 1510 to 1521. It is probable that upon his return to Prague, Skaryna might have approached his old patrons and their descendants, whose favors might have also been transferred to his son. This may explain why it was in Southern Czechia that Simeon the Russian pursued his gardening and medical activities.

The personal library of Francysk Skaryna must also have ended up in Southern Czechia. One of the books, the *Little Traveller's Book*, was discovered in the early ninth decade of the 18th century by a Czech Slavacist, the Jesuit Josef Dobrovský.

Jiří Cetl Netolický, who was of the similar age as the first printer of the Grand Duchy of Lithuania, earned a wide acclaim as the author of a book containing interesting botanical and medical reflections. The description of the sun and the young moon on the pages of his *Kázání o Bídě nynějšyho našeho Žiwota* (1568) might suggest that this emblematic image of the eternally young (or, more precisely, constantly rejuvenating) celestial bodies betokens the medical vocation of Francysk Skaryna.

Prior to entering the University of Prague, he could have attended a school in the New Town, a probable place of residence of Skaryna himself.

ILJA LEMESHKIN

Simeonas Rusas ir Pranciškus Skorina

Santrauka

Pranciškaus (†1541-06-02) ir Simeono (†ne anksčiau kaip 1593) gyvenimus atspindinčių šaltinių tyrimas praplečia mūsų žinias apie asmenų, su kuriais bendravo P. Skorinos šeima, ratą. Vyresnį Skorinos sūnų glaudūs saitai siejo su Janu iš Puchovo (Jan z Puchova), o jaunesnį – su Iržiu Cetlu Netolickiu (Jiří Cetl Netolický). Abu šie asmenys buvo Prahos Šv. Vito kapitulos kanauninkai, be to, kaip aktyvūs katalikų tikėjimo gynėjai abu jie pasiekė aukštų vietų Bažnyčios hierarchijoje (administratoriaus ir arkipresbiterio). Ši informacija svarbi siekiant įvertinti konfesinę P. Skorinos šeimos orientaciją. Spaudos Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje pradininko vaikai tarnavo asmenims, kurie Čekijoje buvo pelnę neeilinių raštijos kūrėjų šlovę.

Simeonas Rusas tarnavo ponams Gradece, taip pat buvo susijęs su Krumlovu (Český Krumlov), kur gydė Bechinės krašto arkipresbiterį Iržį Netolickį. Pastarasis Gradece tarnavo nuo 1564 iki 1568 m. (Simeonas tuo metu ar kiek anksčiau galėjo tapti jo asmeniniu gydytoju), vėliau dvejiems metams pervaziavo į Prahą, o paskui išvyko į Krumlovą. Panašiai galėjo keliauti ir jo asmeninis gydytojas-sodininkas.

P. Skorinos knygų spausdinimo Prahoje laikotarpis pagal laiką atliepia svarbiausio Čekijos karalystės pareigūno, kurio tėvonija irgi buvo Pietų Čekijoje, Bechinės mieste (Bechyně), veiklos metus. Tai Ladislavas iš Šternberko prie Bechinės (Ladislav ze Šternberka na Bechyni), nuo 1510 iki 1521 m. ėjusio vyriausiojo kanclerio pareigas (*supremus cancellarius Regni Bohemiae*). Grįžęs į Prahą, P. Skorina galėjo kreiptis į ankstesnius savo globėjus bei jų palikuonis, be to, pastarųjų palankumas galėjo paliesti ir jį, ir jo sūnų. Šitaip galima aiškinti Simeono Ruso medicinos ir sodininkystės veiklą ne kur kitur, o Pietų Čekijos teritorijoje.

Į Pietų Čekiją turėjo patekti ir asmeninė P. Skorinos biblioteka. Mat ten vieną leidinį – *Mažąją kelionių knygelę* – XVIII a. paskutinio dešimtmečio pradžioje surado čekų slavistas jėzuitas Jozefas Dobrovskis (Josef Dobrovský).

Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės spaudos pradininko amžininkas Iržis Cetlas Netolickis pasidarė žinomas autorius, kai išleido įdomių medicinos ir botanikos žinių turinčią knygą. Saulės ir jauno mėnulio apibūdinimas jo kūrinio *Kázanij o Bijdě nyněgffýho nasseho Žiwota* (1568) puslapiuose leidžia spėti, kad emblematis amžinai jaunų (tiksliau, nuolat atjaunėjančių) dangaus šviesulių vaizdavimas išreiškia P. Skorinos gydytojo pašaukimą.

Iki stojimo į Prahos universitetą Simeonas Rusas galėjo lankyti mokyklą Prahos Naujajame mieste, kur tuo metu galėjo gyventi ir patsai P. Skorina.

Įteikta 2017 m. vasarį